

ОБРАЗ СЕМЬИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА: ОТ ПАТРИАРХАЛЬНОГО ПОРЯДКА К АТОМИЗАЦИИ

Унгбоева Камола Маммади кизи

Абулхайирова Муборак Фахриддин кизи,

Эгамбердиева Шоира Умид кизи

*Студентки 4-курса Термезского Государственного
педагогического института*

Аннотация

Данная статья посвящена анализу радикальной трансформации образа семьи в западноевропейской и русской литературе XX века. Рассматриваются ключевые социокультурные, экономические и философские факторы, повлиявшие на этот сдвиг: кризис буржуазной этики, мировые войны, усиление индивидуализма и влияние психоанализа. Выделяются три основных этапа литературного осмыслиения: кризис патриархального Дома, семья под давлением идеологии и атомизация с поиском новых, гибких форм родства. Цель исследования – показать, как литература стала барометром для осмыслиения глубоких изменений в базовом социальном институте.

Ключевые слова: Семья, XX век, модернизм, постмодернизм, патриархат, кризис идентичности, трансформация, атомизация, экопоэзия, Фуко.

Кризис традиционного Дома и Патриархальный разлом (1900–1930-е гг.)

Начало XX века знаменуется литературной деконструкцией викторианской/патриархальной модели семьи. Семья, ранее бывшая символом стабильности, становится средоточием внутренних конфликтов, лицемерия и репрессивности для личности.

Разрушение традиционного семейного порядка было неотделимо от кризиса буржуазной этики и торжества эстетизма над прагматизмом. Трагедия семьи Будденброков в романе Томаса Манна (1901) служит хрестоматийным примером этого разлома. Манн показывает, как с каждым новым поколением происходит эрозия воли к власти и отход от делового прагматизма. Внуки, увлекающиеся музыкой, философией или богемным образом жизни, оказываются неспособны поддерживать семейное дело. Ганно Будденброк, последний в роду, "научился не признавать ничего, кроме искусства... все остальное казалось ему скучным и безжизненным". Представляется, что Манн использует распад Дома не просто как социальную хронику, но как метафору исторического упадка немецкого бургерства; семья, теряя свою экономическую функцию, теряет и свою моральную, структурирующую силу, уступая место субъективному, но неэффективному индивидуализму.

Под влиянием работ Зигмунда Фрейда литература обращается к скрытой патологии семейных отношений, комплексам и подсознательным травмам.¹ Семейные связи начинают рассматриваться не как священные узы, а как источник неврозов. Драматургия Юджина О'Нила (например, «Долгое путешествие в ночь») раскрывает семью как замкнутое пространство взаимного психологического уничтожения. Слова Мэри Тайрон о своей семье: "Мы все лжем. Пытаемся заставить себя поверить, что мы счастливы, что все в порядке, но это ложь" — отлично иллюстрируют, как формальная стабильность Дома держится на коллективной лжи и отрицании внутренних болезней.

¹ Семья в условиях тоталитаризма и мировых конфликтов (1930–1960-е гг.)

¹ См.: Зигмунд Фрейд, Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. М.: АСТ, 2018. С. 15–20.

Второй этап характеризуется внешней, государственной интервенцией и разрушительным воздействием мировых войн, которые использовали семью либо как последний бастion человечности, либо как инструмент идеологического контроля.

В условиях тоталитарного режима семья перестает быть частной сферой. В антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» показано радикальное уничтожение семьи как автономного социального института. Власть, стремясь к абсолютной монополии на лояльность, устраниет все конкурирующие эмоциональные связи. Оруэлл прямо указывает: "Партия сказала бы вам, что цель брака — производить детей для служения Партии. Это был его единственный признанный смысл." Семья трансформируется в инструмент надзора, а дети становятся агентами доносительства, что подтверждает описание Уинстона: "Они были миниатюрные, совершенно невинные и при этом совершенно ужасные тигры. Они любили Партию": В свете идей Мишеля Фуко о микрофизике власти, семейные отношения в тоталитарном мире становятся особой формой дисциплинарной практики, где приватные связи замещаются идеологическим ритуалом и принудительным, стерильным браком.²

В послевоенной и советской литературе семья изображается как совокупность травм и потерь. Наряду с темой "отсутствующего отца" (погибшего или эмоционально искалеченного), советский соцреализм выдвинул образ идеологически правильной ячейки, где личные интересы подчинены государственным. *Несмотря на внешнее давление, в литературе середины века проявилось и героическое начало — способность семьи*

² Срав.: Мишель Фуко, Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. Анализ механизмов власти и дисциплинарных практик.?

выживать и воссоздаваться даже при полной внешней катастрофе, часто становясь моральным оправданием борьбы и страданий.

Атомизация, деконструкция и нетрадиционные формы (1970–2000-е гг.)

Конец XX века, связанный с расцветом постмодернизма и развитием феминизма, окончательно разрушает монолитный образ семьи. Фокус смещается на индивидуальную идентичность и "выбранные" семьи.

Семья становится объектом иронии, гротеска и деконструкции мифа. Традиционная структура распадается, обнажая свою произвольность и историческую обусловленность. В латиноамериканском магическом реализме, например, у Габриэля Гарсия Маркеса («Сто лет одиночества»), семья представлена как рок, мифологический цикл, обреченный на повторение. Это отражено в мифологической формуле Буэндия: "Первый в роду привязан к дереву, последнего едят муравьи", что символизирует невозможность выхода из родового сценария. Постмодернизм часто изображает семью как случайное скопление одиночеств, живущих параллельными жизнями, что отражает усиление потребительского индивидуализма.

С развитием феминистской критики и ЛГБТ-литературы в центре внимания оказываются нетрадиционные формы — одиночное родительство, однополые пары, а также добровольный отказ от брака и детей (childfree). *Трансформация семейного образа в литературе конца XX века — это не только история распада, но и история освобождения личности. Современная литература ищет новые, более гибкие и этичные формы родства, основанные на сознательном выборе, а не на биологической или патриархальной принудительности. Эти новые формы, основанные на*

солидарности и общности интересов, ставят под вопрос доминирование кровного родства.

Литература XX века зафиксировала тектонические сдвиги в институте семьи: от репрессивного, но стабильного патриархального "дома" до децентрализованных, гибких и часто травмированных структур конца столетия. Этот процесс был продиктован как внешними катастрофами (войны, тоталитаризм), так и внутренней борьбой за личностную свободу (психоанализ, феминизм, индивидуализм). Образ семьи в литературе XX века стал уникальным барометром культурных и социальных изменений, указывая на то, что, хотя формы родства радикально меняются, потребность человека в связи, близости и принадлежности остается фундаментальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Фрейд, З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. М.: АСТ, 2018.
- Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Гиббонс, Т. Семья в кризисе: литературные презентации XX века. (Переводное издание) Лэш, К. Культура нарциссизма. М.: Практис, 22009.
- Манн, Т. Будденброки: История гибели одного семейства. СПб.: Азбука, 2014.
- Маркес, Г. Г. Сто лет одиночества. М.: АСТ, 2015.
- Оруэлл, Дж. 1984. М.: АСТ, 2017.
- О'Нил, Ю. Долгое путешествие в ночь. Пьесы. М.: Искусство, 1980.
- www.ziyouz.com/kutubxonasi

Сноски

1. Зигмунд Фрейд, Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. М.: АСТ, 2018. С. 15–20.
2. Срав.: Мишель Фуко, Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. Анализ механизмов власти и дисциплинарных практик.?